

127
В. Я. Богучарскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДОМЪ—МУЗЕЙ

ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

(Докладъ первому всероссійскому съѣзду печати).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія «Энергія». Загородный, 17.

1908.

Литературный домъ-музей имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

„Пишу, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ“...

Такъ писалъ высокоодаренный и глубокопроникновенный художникъ И. С. Тургеневъ, писалъ въ то время, когда смерть уже простирала надъ его одромъ свое черное крыло, писалъ тому, кого въ этомъ же письмѣ онъ называлъ первый „великимъ писателемъ русской земли“, писалъ Льву Николаевичу Толстому.

Съ того времени, какъ были написаны эти строки, прошло двадцать пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ славное чело Льва Николаевича покрылось новыми неувядаемыми лаврами, когда данное ему Тургеневымъ названіе „великаго писателя русской земли“ признано, какъ въ высокой степени соответствующее дѣйствительности, веѣмъ цивилизованнымъ міромъ, когда имя Толстого стало поистинѣ безсмертнымъ и слава его нетлѣнной.

„Пишу, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ“...

Эта радость, господа, выпала и на долю всѣхъ насъ. И даже болѣе того: Тургеневъ давно уже поконитъ сномъ вѣчности; мы же, живущіе, находимся наканунѣ величественнаго въ исторіи нашей родины событія, наканунѣ момента достиженія восьмидесятилѣтія со дня рожденія одного изъ ея величайшихъ сыновъ.

Ничего не могло быть болѣе естественнымъ, чѣмъ проявившійся среди русскаго общества горячій порывъ чествовать этотъ высокознаменательный моментъ. Быстро организовался для этой цѣли и специальный Комитетъ. Но тотъ, кому въ день его юбилея желало не одно только общество русское, но желало и весь культурный міръ, принести радостныя чувства отъ сознанія счастья

быть его современниками, не пожелалъ никакого чествованія. Отнесясь, какъ и слѣдовало ожидать, съ величайшимъ уваженіемъ къ такому волеизъявленію Толстого, понимая и цѣня тѣ высокіе мотивы, изъ которыхъ вытекло желаніе маститаго затворника уклониться отъ чествованія его юбилея, Комитетъ прекратилъ всякія къ нему приготовленія. Разъ Толстой этого не желаетъ, то никакого чествованія и не можетъ и не должно быть. Его и не будетъ.

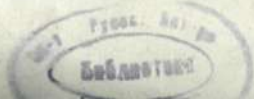
Но значить ли, чтобы рѣшеніе воздержаться, согласно волѣ Толстого, отъ всякаго чествованія его юбилея, было равносильно рѣшенію просто такъ обойти славную годовщину жизни великаго старца полнымъ молчаніемъ, какъ бы забвеніемъ?

Мнѣ кажется, нѣтъ. Мнѣ кажется даже, что чѣмъ рѣшительнѣе останавливается русское общество на желаніи воздержаться отъ какихъ бы то нибыло формъ *чествованія* юбилея Толстого, тѣмъ настоятельнѣе возникаетъ предъ нимъ необходимость *ознаменовать* это событіе какимъ-либо *крупнымъ дѣломъ*.

Разъ же это такъ, то на какомъ бы *дѣлѣ* въ цѣляхъ *ознаменования* юбилея Толстого не остановиться, для его осуществленія прежде всего необходимы матеріальныя средства. Эти средства должны быть, конечно, доставлены не отдѣльными почитателями генія Толстого, а всемъ обществомъ. Оно должно создать для этой цѣли *спеціальный фондъ*. Сдѣлать же это возможно главнымъ образомъ при посредствѣ печати. Отсюда и первая задача съѣзда взять на себя инициативу сбора средствъ для образованія, такъ сказать, толстовскаго фонда. Каждое повременное изданіе можетъ начать такой сборъ въ своей мѣстности отдѣльно, принимая подписку въ своей редакціи, а затѣмъ собранныя суммы могутъ быть централизованы въ рукахъ организующагося въ Петербургѣ *особаго Общества имени Л. Н. Толстого*.

Но тутъ, конечно, является вопросъ, — для какой же именно цѣли долженъ быть предпринятъ печатью такой сборъ или, другими словами, какимъ же именно *дѣломъ* надлежало бы *ознаменовать* юбилей Толстого?

Мнѣ кажется, что такимъ *дѣломъ* должно быть учрежденіе въ Петербургѣ *особаго литературнаго дома-музея имени Л. Н. Толстого*. Развитие этой мысли и предложеніе ея на ваше обсужденіе и составляетъ предметъ моего доклада. Для обоснованія же ее я начну съ такъ называемыхъ *доказательствъ* отъ *противнаго*.

Недавно въ газетѣ „Рѣчь“ извѣстный другъ Толстого и послѣдователь его ученія В. Г. Чертковъ внесъ на обсужденіе общества двѣ формы ознаменованія юбилея Толстого: 1) изданіе заграницею (въ виду очевидной невозможности при современныхъ политическихъ условіяхъ сдѣлать это въ Россіи) всего того, что вышло изъ подъ пера Толстого въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Всѣ необходимыя поясненія для полноты подобнаго изданія могъ бы дать, по мысли Черткова, самъ Толстой, и такимъ образомъ это изданіе явилось бы капитальнымъ памятникомъ литературной дѣятельности Толстого и превосходнымъ первоисточникомъ для изученія его идей; 2) выкупъ принадлежащей семьѣ Толстого земли и надѣленіе ею крайне страдающихъ отъ малоземелья, живущихъ около Ясной Поляны, крестьянъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оба предложенія В. Г. Черткова чрезвычайно симпатичны, но, предпринимая то или другое крупное дѣло, мы должны взглянуть на него прежде всего, такъ сказать, съ дѣловой же точки зрѣнія. А тутъ-то мнѣ и представляются чрезвычайныя трудности въ осуществленіи высказанныхъ г. Чертковымъ мыслей.

Возьмемъ первую изъ нихъ, — изданіе за границей всего того, что вышло изъ подъ пера Толстого за послѣдніе 25 лѣтъ его жизни. Не имѣя въ рукахъ точныхъ данныхъ и потому не утверждая этого категорически, я, однако, едва ли ошибусь, если скажу, что изданіе, заключающее въ себѣ все написанное Толстымъ, начиная отъ его „Исповѣди“ (1882 г.) и до произведеній самого послѣдняго времени, будетъ содержать въ себѣ никакъ не менѣе 100 печатныхъ листовъ. Это изданіе будетъ, какъ уже сказано, по необходимости такъ называемымъ „нелегальнымъ“, и потому открытый сборъ на него денежныхъ средствъ черезъ газеты и журналы даже въ столицахъ, не говоря уже о провинціи, встрѣтитъ, при современныхъ политическихъ условіяхъ, прямо таки неодолимые препятствія. Съ столь же, если еще не болѣе, неодолимыми препятствіями встрѣтятся организаторы подобнаго предпріятія и при обращеніяхъ за матеріальною ему поддержкою къ органамъ земскаго и городского самоуправленія. Еслибы и нашлись среди земствъ и городовъ такіе, которые, не останавливаясь передъ „нелегальностью“ предпріятія, ассигновали, тѣмъ не менѣе, для поддержки его ту или иную сумму, то и эти постановленія были бы неизбѣжно опротестованы администраціей т. е. для дѣла явились бы совершенно безрезультатными. Между тѣмъ, изданіе потребуетъ

весьма значительныхъ средствъ. Спрашивается: откуда же возьмутся онѣ при невозможности придти на помощь этому дѣлу даже сочувствующихъ ему земствъ и городовъ, при враждебности къ нему администраціи, при вынужденной бездѣятельности въ этомъ предпріятіи печати? Средствъ на такое дѣло, иначе какъ со стороны отдѣльныхъ кружныхъ жертвователей, поступить въ условіяхъ перрживаемаго нами момента ниоткуда не можетъ. Значить, все дѣло зависить отъ того, будутъ ли такіе жертвователи или ихъ не будетъ? Въ первомъ случаѣ высокополезная мысль В. Г. Черткова получаетъ осуществленіе, во второмъ,—какъ ни грустно это признать,—получить осуществленія она не можетъ. Печать же въ этомъ дѣлѣ никакой особо существенной роли сыграть, къ сожалѣнію, не въ состояніи.

Что касается второго предложенія г. Черткова—ознаменовать юбилей Толстого путемъ выкупа принадлежащей семьѣ Льва Николаевича земли и передачи ея живущимъ около Ясной Поляны малоземельнымъ крестьянамъ, то при всей симпатичности подобной мысли, мнѣ представляется и она, по тѣмъ же соображеніямъ, практически неосуществимою. Конечно, открыть сборъ на такое дѣло для печати несравненно легче, чѣмъ на изданіе заграницей запрещенныхъ въ Россіи произведеній Толстого, но во 1) позволительно сильно сомнѣваться въ особой продуктивности стараній объ этомъ предметѣ печати и въ 2) не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что органы мѣстнаго самоуправленія будутъ лишены всякой возможности принять въ подобномъ дѣлѣ матеріальное участіе. Причина понятна: земства и города могутъ расходовать свои средства на нужды или чисто мѣстныя или такія, въ удовлетвореніи которыхъ такъ или иначе, прямо или косвенно, но заинтересовано и мѣстное населеніе. Органы мѣстнаго самоуправления могутъ, конечно, поддерживать столичныя культурныя и просвѣтительныя учрежденія (учебныя заведенія, музеи и проч.) по той причинѣ, что изъ учреждений этихъ могутъ извлекать себѣ пользу и находящіеся въ столицѣ жители той или иной губерніи или области, преимущественно учащаяся молодежь, но, какимъ образомъ и на какомъ формально-законномъ основаніи земство, положимъ, Воронежское или городъ, положимъ, Вятка могли бы ассигновать какую либо сумму для улучшенія экономическаго положенія крестьянъ Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда, деревни такой - то, расположенной около имѣнія, принадлежащаго семьѣ графа Льва Николаевича Толстого?

Такое постановленіе было бы несомнѣнно опротестовано администраціей. Вотъ почему и эта мысль В. Г. Черткова мнѣ представляется неосуществимою.

Но, кромѣ предложеній В. Г. Черткова, существуютъ и еще идеи ознаменованія юбилея Толстого конкретными актами. Одни думаютъ о созданіи въ возможно большемъ количествѣ школъ имени Толстого, другіе о дешевомъ изданіи его сочиненій, третьи— объ учрежденіи литературнаго дома—музея его имени.

Говорить о томъ, что, чѣмъ больше школъ въ странѣ, тѣмъ лучше для нея, — значить, разумѣется, говорить вещи, противъ которыхъ возраженій по существу нѣтъ и быть не можетъ. Говорить, что въ дѣлѣ народнаго образованія наряду съ государственными, земскими и городскими учебными заведеніями должны существовать и просвѣтительныя учрежденія, организуемая и содержимыя самимъ обществомъ, — значить опять таки высказывать мысли, противъ которыхъ возражать нельзя. Но и на этотъ вопросъ надо взглянуть съ его практической стороны,—а эта сторона такова: въ этомъ случаѣ каждый отдѣльный органъ печати занялся бы собираніемъ средствъ для устройства школы или другого имени Толстого просвѣтительнаго учрежденія *въ своей мѣстности*. Положимъ даже, что сборы пошли бы удачно и, слѣдовательно, были бы собраны необходимыя для *созданія* такихъ учреждений денежныя средства. Но во 1) собрать средства для *созданія* просвѣтительнаго учрежденія, еще не значить имѣть ихъ для постояннаго *функционированія* такого учрежденія, 2) о какомъ сколько нибудь правильномъ функционированіи подобныхъ учреждений можетъ быть даже и рѣчь во множествѣ мѣстностей нашей провинціи при безграничномъ тамъ самовластіи господъ Пѣшковыхъ, Толмачевыхъ, Думбадзе и другихъ нашихъ препрославленныхъ воеводъ? 3) при осуществленіи этой мысли въ Россіи не будетъ ничего единого, ничего центрального, что было бы связано съ юбилеемъ Толстого. По всѣмъ этимъ причинамъ, мнѣ представляется гораздо болѣе продуктивнымъ централизовать имѣющія быть собранными суммы въ Петербургѣ для организаціи тамъ единого для всей Россіи культурно-просвѣтительнаго учрежденія.

Дешевое изданіе „Войны и Мира“, „Анны Карениной“ и другихъ вышедшихъ изъ подъ гениальнаго пера Толстого художественныхъ произведеній—дѣло также въ высшей степени необходимое, но осуществленіе его было бы цѣлесообразнѣе предоставить Обществу имени Л. Н. Толстого въ качествѣ одной изъ его

самыхъ прямыхъ задачъ. Опираясь на такое культурно-просвѣтительное учрежденіе, какъ толстовскій литературный домъ-музей, центральный пунктъ, куда, при развитіи его, будутъ обращены взоры всѣхъ интересующихся жизнью, дѣятельностью и идеями великаго писателя, Обществу имени Л. Н. Толстого будетъ гораздо легче изыскать возможности осуществленія и такого безъ сомнѣнія высокополезнаго дѣла, какъ разные способы популяризаціи произведеній Толстого въ народныхъ массахъ.

Остается, слѣдовательно, идея учрежденія въ Петербургѣ литературнаго дома-музея имени Л. Н. Толстого. Едва ли представляется необходимость защищать эту идею по самому ея существу. Въ Англіи есть свой Шекспиръ, въ Германіи—Гёте, у насъ—Левъ Толстой. Англія и Германія создаютъ во имя своихъ духовныхъ, — какъ когда то говорилось и въ нашей литературѣ, — „славы“ самыя разнообразныя учрежденія, — мы должны идти по этому же пути. Въ „увѣковѣченіи“ Левъ Толстой, конечно, не нуждается, — онъ вѣковѣченъ и безъ чьихъ бы то ни было успій съ нашей стороны, — но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы на нашемъ обществѣ не лежало обязанности увѣковѣчить за поколѣніями настоящимъ и грядущимъ тѣ духовныя богатства, которыя далъ міру гений Толстого. Увѣковѣчить же ихъ — означаетъ прежде всего необходимость ихъ централизовать и систематизировать, создать учрежденіе, въ которомъ было бы собрано не только все написанное Толстымъ, но также и о немъ. А, вѣдь, это, господа, цѣлая бібліотека! Само собою разумѣется, что въ этомъ домѣ-музеѣ должны быть сосредоточены также портреты и бюсты Толстого, рукописи его произведеній, письма, словомъ, все служащее къ познанію жизни и дѣятельности великаго человѣка. Пройдутъ года и этотъ музей можетъ развиться въ „музей Толстого и его эпохи“ т. е. сдѣлаться однимъ изъ центральнѣйшихъ учреждений для познанія идейной исторіи Россіи за много десятковъ лѣтъ.

Со стороны матеріальной именно такой домъ-музей имени Толстого мнѣ также представляется имѣющимъ наибольшіе шансы на успѣхъ. Собрать средства на него органы печати будутъ имѣть, конечно, несравненно большую возможность со стороны „независящихъ обстоятельствъ“, чѣмъ на созданіе иныхъ, въ ознаменованіе юбилея Толстого, учреждений. И изъ *малыхъ* лептъ *большаго* количества жертвователей можетъ составиться крупная сумма. За матеріальной помощью для созданія подобнаго необходимаго всей Россіи культурно-просвѣтительнаго центра во имя

Толстого, въ честь Толстого и во славу Толстого можно обратиться во всѣ земскія, городскія и инныя учрежденія съ увѣренностью въ сочувственномъ откликѣ на такое обращеніе со стороны многихъ изъ этихъ учреждений. Петербургская городская дума, вѣроятно, отвела бы бесплатно подъ литературный домъ-музей мѣсто и быть можетъ приняла бы на себя расходы по содержанію этого учрежденія въ будущемъ. Не невозможно, что этому дѣлу пришла бы на помощь даже и Дума Государственная. Ничего нельзя имѣть и противъ участія въ этомъ дѣлѣ почитателей Толстого и среди славянъ, и среди другихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ и съ этой стороны неодолимыя затрудненія такое дѣло едва ли бы встрѣтило. Недавно еще Петербургъ обогатился музеемъ Суворовскимъ. Но чѣмъ же фельдмаршалъ русской литературы ниже фельдмаршала поля ратнаго?

Существуетъ, наконецъ, и еще одно обстоятельство, громко говорящее о необходимости созданія такого учрежденія имени Толстого и созданія его именно въ Петербургѣ. При анализѣ этого обстоятельства станетъ яснымъ и то, почему говорю я не просто о музее Толстого, а именно о литературномъ домѣ-музее имени Льва Толстого. Всѣмъ намъ, господа, приходится много слышать о необходимости объединенія дѣятелей литературы. И это бесспорно одна изъ задачъ, настоятельно требующихъ своего разрѣшенія. Существуютъ у насъ, въ Петербургѣ, и нѣсколько литературныхъ организацій—Литературный Фондъ, Касса взаимопомощи литераторамъ и ученымъ,—обѣ эти организаціи преслѣдуютъ спеціальныя задачи—и Петербургское Литературное Общество, имѣющее задачи обще-литературнаго и обще-культурнаго характера. Но какъ эти организаціи, такъ и многія другія имъ подобныя (организаціи драматическихъ писателей, кружокъ имени Герцена, кружокъ имени Полонскаго и т. д.), весьма страдаютъ отъ неимѣнія ни у одной изъ нихъ собственнаго помѣщенія, этой необходимѣйшей базы для развитія и процвѣтанія всякой, преслѣдующей культурно-общественныя цѣли, организаціи. И я спрашиваю васъ: можно ли придумать что-нибудь лучше для объединенія дѣятелей литературы, чѣмъ созданіе, такъ сказать, матеріальнаго центра для такого объединенія въ формѣ литературнаго дома-музея имени колосса-русской литературы, дома, въ которомъ были бы и спеціальныя помѣщенія для собраній литераторовъ. Вѣдь, этотъ домъ находился бы въ непосредственномъ завѣдываніи Общества имени Л. Н. Толстого, организаціи, во-первыхъ также со-

стоящей по преимуществу изъ литераторовъ и ученыхъ, и во-вторыхъ, такой, вступленіе въ которую не будетъ представлять никакихъ затрудненій для всѣхъ желающихъ быть ея членами. Само собою разумѣется, что помѣщеніе музея сдѣлалось бы центромъ для собраний не только членовъ Общества имени Л. Н. Толстого, но и другихъ литературныхъ организаций. Получилась бы такимъ образомъ для объединенія дѣятелей литературы необходимая матеріальная основа. Это обстоятельство, имѣя само по себѣ огромное значеніе, увеличивается конечно во сто кратъ громадною *моральною* цѣнностью того факта, что процессъ объединенія писателей происходилъ бы вокругъ учрежденія, созданнаго во имя юбилея Льва Толстого и по иниціативѣ съѣзда дѣятелей литературы. Среди русскихъ писателей находятся, разумѣется, люди самыхъ разнообразныхъ политическихъ, социальныхъ, философскихъ и иныхъ воззрѣній, многіе изъ писателей принадлежатъ къ различнымъ политическимъ партіямъ, но все это нисколько не исключаетъ возможности и необходимости ихъ объединенія. И пусть же это объединеніе совершается вокругъ имени писателя не только виѣпартійнаго, но и по всему складу своей личности, — да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться, — *надъ*-партійнаго и *сверхъ*-партійнаго!

Господа! Принявши рѣшеніе начать черезъ органы печати повсемѣстный сборъ на учрежденіе въ Петербургъ литературнаго дома-музея имени Л. Н. Толстого, вы сдѣлаете огромное дѣло! Вы положите первый камень въ дѣлѣ сооруженія такого учрежденія, которое, являясь однимъ изъ лучшихъ живыхъ памятниковъ гениальному русскому писателю и удовлетворяя настоятельную потребность дѣятелей нашей литературы имѣть то, что англичане называютъ свой home т. е. свой уютъ, свой очагъ и безъ чего всѣ разговоры объ объединеніи писателей останутся въ значительной степени праздными, вы въ тоже время проявите свою заботу и о поколѣніяхъ грядущихъ, ибо Толстой принадлежитъ столько же настоящему, сколько и будущему!

Можно, конечно, мечтать объ ознаменованіи юбилея Толстого и дѣлами болѣе грандіозными, но зачѣмъ оставаться намъ въ области мечты и только мечты, когда мы можемъ положить фундаментъ дѣлу важности также огромной, но находящемуся въ тоже время въ области не мечты, а самой доподлинной реальности.

Можно находить также, что создать толстовскій домъ-музей слѣдовало бы не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, какъ городѣ, Толстому болѣе близкомъ. Я буду возражать и противъ этого. Хо-

рошо это или худо, но наша исторія сдѣлала центромъ не только государственной, но и духовной жизни Россіи не Москву, а Петербургъ. Здѣсь, а не въ Москвѣ, наибольшее количество высшихъ учебныхъ заведеній, органовъ печати, разнаго рода общественныхъ и литературныхъ организаций. Здѣсь, а не въ Москвѣ, должно находиться, поэтому, и учрежденіе, назначеніе котораго, сверхъ другихъ его огромныхъ задачъ, служить дѣлу объединенія дѣятелей нашей литературы. Самъ же по себѣ Толстой, если не сталъ еще теперь, то безъ сомнѣнія станетъ въ будущемъ *равно близкимъ* и Петербургу и самой глухой деревушкѣ въ Россіи.

Скажутъ можетъ быть, что начало толстовскому музею уже положено именно въ Москвѣ фактомъ передачи графиней С. А. Толстой Историческому Музею многихъ рукописей Льва Николаевича, и такимъ образомъ остается лишь развивать начатое уже дѣло. Съ этимъ согласиться также невозможно. Для реализаціи предполагаемой на ваше разсмотрѣніе идеи нужна не отдѣльная „комнатка“, въ томъ или иномъ, имѣющемъ другія задачи, помѣщеніи, а специально оборудованное и приспособленное для данной цѣли особое зданіе. Къ тому же мы говорили свѣдущіе люди, что графиня Толстая передала Историческому Музею въ Москвѣ рукописи ея мужа не въ собственность, а лишь на храненіе, и онѣ безъ сомнѣнія могутъ быть, съ разрѣшенія графини Толстой, взяты оттуда, если возникнетъ особое для помѣщенія такихъ вещей учрежденіе.

Я кончаю, господа, свой докладъ повтореніемъ его центральной мысли: литературный домъ-музей имени Толстого въ Петербургѣ нуженъ и для цѣлей настоящаго, и въ интересахъ будущаго. Поспѣшимъ же придти на помощь этому настоящему дѣлу. Соединимъ наши усилія и направимъ ихъ къ одной цѣли. Пусть только органы печати, въ особенности газеты, начнутъ призывы къ пожертвованіямъ на учрежденіе литературнаго дома-музея имени Толстого и повторяютъ эти призывы изо дня въ день! Тогда домъ-музей, — можно вѣрить въ это, не увлекаясь, — вырастетъ весьма быстро, и честь почина въ этомъ нужномъ и важномъ для всей Россіи дѣлѣ будетъ принадлежать вамъ, господа, членамъ перваго всероссійскаго съѣзда печати!

16305

